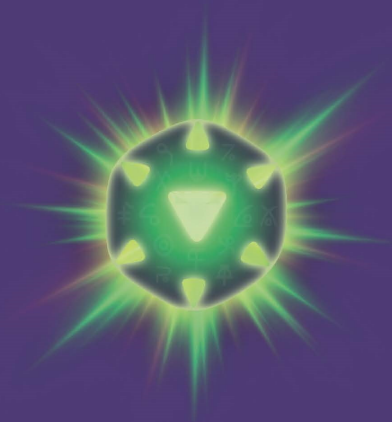

#Самиразберёмся ⚡

ЛЮДИ

КРИНЖ
СТРАНЦОВВАМПЗЗ
не бойсяДАШКА
я с тобойЛЕШИЙ
В ШОКЕ

406

26

Поделиться

Маша Агапина

АРТЕФАКТ

Маша Агапина

Артефакт

Серия «Сами разберёмся!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74632456
Артефакт: [повесть] / Маша Агапина ; худож. Юлия Королькова:
Детская литература; Москва; 2027
ISBN 978-5-08-007825-5

Аннотация

Летние каникулы у дедушки в наукограде Звездный не сулят пятнадцатилетнему Мише ничего интересного! Ну что может случиться в такой глухомани?! К тому же в доме у деда все напоминает об отце – космическом путешественнике, пропавшем без вести в необъятных просторах Вселенной. Воспоминания настигают Мишу на каждом шагу. Пытаясь справиться с грустью, он неожиданно находит внеземной артефакт. Эта находка становится для Миши отправной точкой в поисках ответов на самые важные для него вопросы. Теперь летняя ссылка превращается в захватывающее приключение, где есть место и дружбе, и любви, и открытиям!

Книга победила на Международном детском литературном конкурсе им. В. П. Крапивина.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Пролог	6
Ссылка	8
Машина времени	13
Звездный	18
Комната	24
Наука – как свеча во тьме	29
Слова-пули	35
Чайка	39
Домой	43
Капсула времени	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Маша Агапина

Артефакт

*В мирах любви, – неверные кометы, —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит,
Полночных Солнц к себе нас манят светлы.*

Максимилиан Волошин

#Самиразберёмся ⚡

Серия «#Самиразберёмся»

Художник *Юлия Королькова*

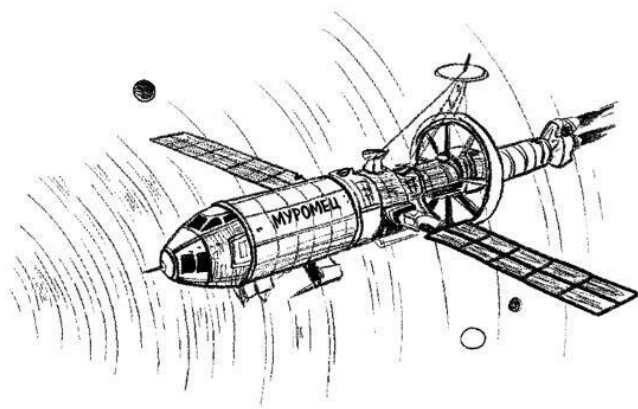

© Маша Агапина, 2027

© Королькова Ю. Ю., иллюстрации, 2027

© Макет, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2027

Пролог

Три года назад...

Первое сообщение от экипажа грузового корабля «Муромец» миссии «Звездный ветер» в непосредственной близости к точке Лагранжа L2 системы Марс – Фобос.

Время отправления: 00:01:49 по Москве.

«Звездный ветер» – Земле: Внимание! Наблюдаем аномальную активность в зоне L2. Область не визуализируется. Высылаю данные приборов. Запрашиваю разрешение на запуск зонда.

Время отправления: 00:57:59 по Москве.

Земля – «Звездному ветру»: Запуск зонда разрешен.

Приказ докладывать о происходящем с максимально возможной частотой.

Последнее сообщение от экипажа грузового корабля «Муромец» миссии «Звездный ветер» в непосредственной близости к точке Лагранжа L2 системы Марс – Фобос.

Время отправления: 03:07:17 по Москве.

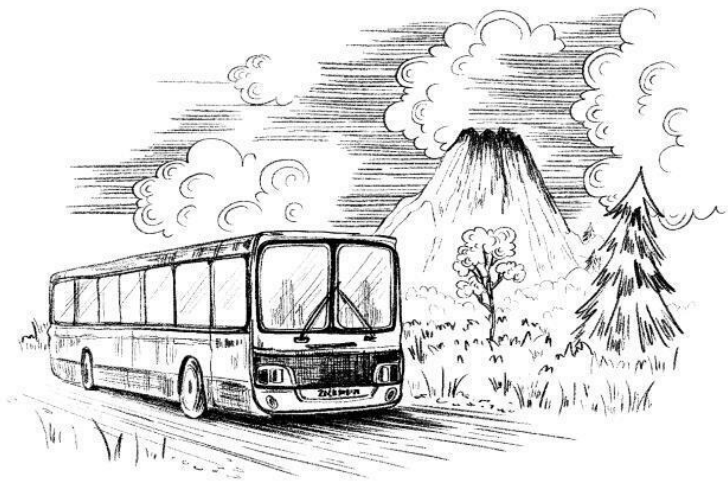
«Звездный ветер» – Земле: Запуск зонда спровоцировал всплеск активности исследуемой области. Визуализируется как овальный обруч света с уходящим внутрь тоннелем. Пробуем делать снимки.

03:55:37 **Земля – «Звездному ветру»:** Экипаж, доложите обстановку...

04:43:12 **Земля – «Звездному ветру»:** Экипаж, доложите обстановку...

05:32:49 **Земля – «Звездному ветру»:** Экипаж, доложите обстановку...

Ссылка

Несправедливо! А реакция на несправедливость у моего организма безотказная: сердце стучит, челюсти сжимаются, в животе ворочается жгучая лава.

«Злиться на нас с мамой – последнее дело, дружище. Что бы там ни было, мы всегда на твоей стороне», – так папа говорит, но попробуй совладай с собой, когда едешь в ссылку на все лето. И куда? В жуткую глухомань – вечность на поезде и еще двенадцать часов на автобусе!

Наукоград Звездный расположен в долине потухшего вул-

кана по имени Богатырь. Место красивое, если не обращать внимания на контрольно-пропускной пункт при въезде и здоровенный бетонный забор. Звездный огорожен не весь: на севере его охраняет вулкан. А от его подножия на восток и запад тянутся труднопроходимые леса. Далеко в дремучих зарослях и заканчиваются серые плиты ограждения. Мы с папой так ни разу и не добрались до последней плиты.

Живут и работают в Звездном ученые-физики. Правда, чем конкретно они занимаются, знают разве что они сами – все проекты засекречены...

Все лето я проторчу в заточении среди повернутых на науке стариков, которые носятся со своими тайнами, как Голлум с кольцом. Веселенькие каникулы!

Мама с дипломатическим корпусом будет разъезжать по миру аж до конца августа, а мне с ней нельзя. Она недавно синхронным переводчиком в Министерство иностранных дел устроилась, и это ее первая серьезная командировка. Мне из-за этой командировки пришлось даже ОГЭ досрочно сдавать.

Тут и велик не спасет: не целыми же днями кататься. Да и погода в тех краях переменчивая. Как говорит мама: наилучшие условия, чтобы осилить весь список чтения по литературе на грядущий десятый класс. И уж конечно, она проследила, чтобы я скачал «Войну и мир», «Преступление и наказание» и еще кучу всего, даже из необязательного списка... Жуть!

В автобусе душно. Я сижу на солнечной стороне прямо у окна. Короткая пыльная шторка от пекла не спасает. Мозги плавятся.

Накрываюсь с головой джинсовкой и проваливаюсь в горячий, липкий сон, в котором вижу Звездный в мельчайших подробностях. От ворот до складов на задворках.

В самом центре городка, вокруг пустой круглой площади, стоят лаборатории из красного кирпича. По обе стороны от корпусов выстроились в две параллельные линии дома с небольшими участками, где живут местные. Рабочая часть отгорожена от жилых двумя дугообразными аллеями, Липовой и Березовой. А на задворках – два длиннющих складских ангара.

Дедов дом стоит с самого края: поворачиваешь от КПП направо, и – вот он! – выглядывает из-за забора. Большой, зеленый и нарядный: у него ажурные ставни на окнах.

– Эй, парень, ты там живой? – Мужик из соседнего кресла трясет меня за плечо, джинсовка сползает на колени. – Скоро уж приедем.

Мычу в ответ, а глаза не открываются. Я застрял на самом краешке сна: картинки продолжают мелькать перед глазами. Отмахнуться бы от них, как от настырных, почуявших сладкое пчёл, но меня парализовало, вплатило в колючую обивку

кресла, и сил сопротивляться нет.

Раньше мы часто к деду ездили, почти каждый папин отпуск. И по праздникам тоже. Мама злилась: можно ведь и на море поехать, и новые города посмотреть. А нам с папой был нужен только Звездный. Мы и за грибами в лес ходили, и в настоящие походы на вулкан – с палаткой! Ставили ее в кратере у озера, полночи жгли костер, пекли картошку в горячих углях и смотрели на звезды.

Да и в доме вечно находилось чем заняться: то забор починить, то крышу подлатать, то рамы покрасить. Папа меня всему научил, даже половицы править. А вечерами было так здорово лежать на теплой печке, пить чай с баранками и слушать папины с дедом разговоры про физику, космос и Вселенную...

Но все это было давно. Кажется, в другой, чужой жизни. А сейчас, без папы, что мне там делать, в этой глуши? Деду, кроме его лаборатории ненаглядной, ничего не надо – он там с утра до ночи пропадал, даже когда мы в гости приезжали.

Автобус поворачивает, солнце уходит на другую сторону. Кто-то догадывается открыть люк в потолке, и в салон врывается свежий воздух. Сквозняк холодит щеки, прогоняет остатки сна.

Три года я не был в Звездном. С тех пор, как с папой это случилось. Дед звал погостить, но я не мог туда вернуться.

К нам в город дед тоже не приезжал ни разу, хоть мама и звала его без конца. Но разве он бросит свою науку?

Мама думает, дед рад, что я приеду. А я уверен, что он в ужасе от перспективы развлекать внука все лето. Ему же работать надо!

Машина времени

Рейсовый автобус идет до небольшого городка Холмы, что в сотне километров от Звездного. Дальше – на дедовом уазике модели 469, который папа с нежностью зовет старой колымагой.

Замечаю их сразу: уазик припаркован у обочины, а дед, заложив руки за спину, стоит на единственной разбитой остановке у поворота на Холмы. Вытянув шею, заглядывает в окна автобуса – меня высматривает, – и я сползаю пониже на сиденье.

Автобус не успевает затормозить, как пассажиры уже вскакивают с мест: суется, достают с верхних полок сумки, свертки, пакеты. Я жду, пока останусь в салоне один, не спеша стаскиваю сумку, закидываю за спину рюкзак и плетусь по узкому проходу.

Дед топчется возле передней двери. В своей любимой рубашке в клетку, с коротким ежиком седых волос и белой, аккуратно подстриженной бородой. Странно: он вроде такой же, как всегда, а вроде и совсем другой. Как будто чужой. Так, наверное, бывает, когда очень долго не видишься с человеком.

Я спрыгиваю с подножки и протягиваю деду руку.

– Ну, здравствуй, Михаил! Я уж было подумал, что ты по дороге от автобуса отстал! – Дед улыбается, крепко пожима-

ет мою ладонь, а потом вдруг стискивает меня в объятиях.

От деда знакомо пахнет старым домом, книгами, овсяным печеньем и крепким сладким чаем из закопченной алюминиевой кружки. Внутри жгутом скручивается тоска. Папа пахнет совсем по-другому – горьковато-дымным одеколоном. Мне всегда казалось, что так и должен пахнуть космос.

Дед отпускает меня и, хлопнув по плечу, качает головой:
– Ты посмотри, уже и меня перерос!

Натягиваю улыбку, а по спине бегут противные мурашки. Раньше при встрече дед садился передо мной на корточки и удивлялся, как я вымахал. А теперь это правда: может, всего на пару сантиметров, но деда я перерос. Весной был метр семьдесят девять, почти как папа.

– Вся твоя поклажа? – спрашивает дед, взвешивая в руке спортивную сумку в черно-желтую полоску.

– Велик, – киваю на автобус. Возле открытого багажного отделения еще толпятся пассажиры. – Пойду заберу.

* * *

С запахами так: они берут и без спроса откидывают тебя в прошлое. Если б я захотел изобрести машину времени, серьезно изучил бы вопрос о работе обонятельных центров мозга. Уверен, смысл в этом есть.

Обычно я могу это контролировать. Нужно просто сосредоточиться, таблицу умножения вспомнить, например. Но

срабатывает не всегда.

В салоне уазика жарко. Густо пахнет бензином и маслом, виниловой обивкой продавленных сидений, пылью с дороги. Все внутри меня сжимается. Я не успеваю ничего сделать. Воздух застывает, свет становится желтоватым и мерцающим. И появляется ощущение, как будто падаешь во сне. Началось!

Лето. Папа смеется и что-то рассказывает деду, закидывая в багажник наши вещи. Потом прыгает за руль и подмигивает мальчишке в синей футболке с желтой ракетой на груди. Этот мальчишка – я.

Дед помогает мне забраться в кабину, я хватаюсь за черную баранку и ерзаю на папиных коленях. Нетерпение зудит внутри, и я со всей силы давлю ладонями на руль, как будто машина от этого поедет.

– Готовы? – спрашивает папа.

– Готовы! – отвечаем мы с дедом, а потом втроем кричим: – Поехали!

Папа выжимает сцепление и поворачивает ключ зажигания. Уазик неохотно кряхтит, а я ему помогаю: брунькаю и вжунькаю так, что слюни летят во все стороны.

Мотор ревет – дед завел машину, – и видение пропадает. Я и хочу и не хочу, чтобы оно заканчивалось. Не хочу, потому что по-другому мне папу не увидеть. Не почувствовать,

словно он и правда рядом.

Если дед и заметил что, виду не подал. От мамы-то не скроешь – она тут же сечет, когда я вот так замираю. Берет меня за руку, заставляет считать.

Первый раз это случилось после церемонии прощания (типа похорон, только без гробов). В огромном зале с дурацкими колоннами люди с одинаковыми лицами, в одинаковых черных костюмах долго говорили о том, как много папа и его команда сделали для науки и страны. Скоро слова смешались в бессмысленный клубок, и я перестал слушать.

Мама постоянно смахивала слезы и больно сжимала мою ладонь.

А потом мы вернулись домой, и я потихоньку залез в папин шкаф. Всегда любил там сидеть и представлять, что лечу в космическом корабле через непроглядную черноту космоса.

В шкафу было темно, тихо и пахло папой. Тогда-то обонятельная машина времени и сработала. Меня отбросило в день, когда мы с папой ходили в кино на «Стражей Галактики». И это не было похоже на сон – вообще нисколько. Все было реально, по-настоящему.

Мы сидели рядом в темном зале, жевали попкорн, соленый вперемишку с карамельным. Папин свитер колот мне щеку. А когда Питер Квилл начал танцевать под эти свои древние песни, папа толкнул меня легонько плечом и тоже

стал пританцовывать прямо в кресле.

Я жутко перепугался. И мама тоже. Я орал, звал папу, и она решила, что у меня припадок какой-то.

После того случая мама убрала все папины вещи в старый чемодан и задвинула его под кровать. Но иногда, когда ее нет дома, я достаю этот чемодан. Чаще всего просто сижу рядом. А бывает, открываю. И каждый раз меня уносит в разные моменты в прошлом. В наши с папой моменты.

С того первого раза я научился это контролировать. Более-менее. По крайней мере, теперь меня эти скачки не пугают. Вот только возвращаться всегда больно. Болит где-то глубоко, за ребрами, словно там дыра, которую снаружи не видно.

Звездный

Дед заруливает в Холмы за продуктами, в Звездном-то магазине нет. А потом мы сворачиваем на проселочную дорогу, и дед останавливает машину посреди ухабистого большака. Он подмигивает, кивает на руль – уступает мне место водителя. Я отнекиваюсь. Настроение не то, да и вообще.

– Староват я для этих ям – еле сюда доехал. Уважь старика-то, – уговаривает дед.

И я сдаюсь. Сажусь за руль. Завести уазик получается только с третьей попытки.

– Свечи надо бы просушить, – качает головой дед. – Сырость у нас сам знаешь какая бывает.

Погодка тут та еще, это точно. Вот светит солнце, а потом вдруг подует ветер, и не успеешь оглянуться, как притащится туман и зальет всё вокруг молоком. А то неделю дождь стеной, а потом – бац! – и начнется такая жара, что, кажется, солнце вот-вот растопит вулкан Богатырь как свечку.

Дорога разбита в хлам: уазик бросает из стороны в сторону, руль вырывается из рук. В кабине шумно – мотор ревет, как доисторическое чудище, и мы с дедом почти не разговариваем.

– Левее, левее бери, – изредка командует он на особенно неровных участках, когда мы подсакиваем на сиденьях, почти касаясь макушками крыши.

Недалеко от КПП снова меняемся местами. С трудом отцепляю пальцы от руля – руки от напряжения трясутся, как после занятий на турнике. Но вообще было здорово, где еще так погоняешь.

Дед выглядит жутко довольным.

– Ну, авось не заскучаешь с дедом-то, а? – смеется он.

Я выдавливаю улыбку. Мама про такую говорит: улыбка Джокера – фальшивая насквозь. Вряд ли она доложила де-ду о моих протестах и нежелании ехать сюда, но он человек неглупый, ученый как-никак, мог догадаться.

* * *

Дед поднимает руку, приветствуя кого-то за зеркальным окошком охранной будки, и новенькие автоматические ворота цвета хаки разъезжаются в стороны. А раньше не было тут никакой будки: сигналишь и ждешь, ждешь, ждешь, пока охранник вручную растащит здоровенные воротины.

Мы въезжаем, и я не верю своим глазам. Это – Звездный? Пока ехали, я и не заметил ничего – высматривал рытвины на дороге...

Над лабораториями завис сверкающий инопланетный корабль. Нет, никакой не корабль – это здание. Современное, с полукруглой стеклянной крышей. Не небоскреб, конечно, но в окружении старых корпусов, да еще и на фоне Богатыря, оно выглядит так, будто попало сюда по ошибке. Сбой в

матрице.

Я прилипаю к лобовому стеклу:

– Что тут у вас случилось?

– Прогресс, Миша, до нас добрался, вот что, – вздыхает дед.

Вместо того чтобы свернуть к дому, он ведет уазик вперед, к лабам.

Петляя между корпусами, дед рассказывает, что Многофункциональный центр, или Купол, как его тут прозвали, достроили год назад. Тогда же начали ремонтировать корпуса и дорожки проложили.

Только теперь замечаю на некоторых лабах вывески с номерами и новенькие стеклопакеты; асфальт вместо щебенки, а по обочинам – невысокие фонари с круглыми плафонами и коваными завитушками...

– В Куполе лаборатории открыли, все современное – по высшему разряду. А еще библиотеку, кинотеатр. Даже бассейн будет в цоколе. Наверху обсерваторию обещают оборудовать, – докладывает дед, подъезжая к сверкающему зданию. – Любуйся.

Он паркуется напротив Купола, откидывается на сиденье и объясняет, что так в Звездный пытаются привлечь молодых ученых.

– От нашей-то шайки-лейки уж мало кто остался. Кто на пенсию ушел, а кто... – Дед замолкает. Сцепив пальцы, кладет руки на руль и смотрит на Купол. Но мне кажется, что видит он что-то совсем другое.

Я не могу даже пошевелиться, не то что из машины выйти. Сажу и вспоминаю, как мы с папой гоняли мяч по пустой площади, пока дед, как обычно, задерживался в лабе. Это место, окруженное трехэтажными кирпичными корпусами, полными научных тайн, всегда казалось мне особенным. И

сейчас, глядя на Купол, я не понимаю, что чувствую: разочарование, злость? Ведь это было наше с папой место.

Интересно, как бы папаотреагировал на перемены в Звездном? Скорее всего, порадовался бы. Он мне как-то рассказал про один научный эксперимент, который длился целых двенадцать лет: биологи выяснили, что бактерии, помещенные в неизменную среду, продолжают меняться из поколения в поколение. Развиваются, образуют новые виды и даже переходят на другой тип питания. Вокруг них ничегошеньки, считай, не происходит, а они все равно меняются, да еще как! «Представь, Мишка: эволюция не останавливается ни на секунду ни при каких обстоятельствах! Все в мире бесконечно меняется, движется вперед, и это прекрасно!» – восхищался папа.

Вот только когда появляется что-то новое, старому приходится уходить – для него просто не остается места. И меня это, если честно, пугает до чертиков.

– Ну, ладно, поехали домой. Отдохнешь с дороги. – Глянув на меня, дед заводит машину. – У нас тут, кстати, и ровесники твои есть, познакомишься.

Комната

Из-за забора выглядывают кроны старых яблонь, сливы и вишни. А еще – высоченная береза, которую бабушка посадила, когда они с дедом только поженились. Дед рассказывал, что саженец был чахлый, больше похожий на прутик, чем на дерево. А вымахала такая громадина – взрослый не обхватит!

В дедовом альбоме есть фотография: высокий кудрявый парень обнимает за плечи худенькую девушку в косынке и белом платье. Это, конечно, дед с бабушкой, а за ними – бревенчатый дом, так не похожий на тот, к которому я привык. А ведь это тот же самый дом! Под деревянной обшивкой прячется сруб, который для деда сложил его друг: сам выбрал и заготовил древесину, своими руками собрал, а потом разобрал для перевозки. Сруб этот везли сюда, в Звездный, через всю страну: на машинах, паромах и даже на поезде. Настоящее безумие! Куда проще было здесь, на месте, срубить его – вон сколько леса вокруг.

– Почему же тут не срубили? – спросил я, когда впервые услышал эту историю.

– Ох, Миша, – начал дед, – как тут объяснишь?

– Это, Мишка, называется дружба. Настоящая! – закончил за деда папа, подмигнул и взъерошил мне волосы.

Я тогда не понял, при чем тут дружба, а сейчас думаю:

каково это, когда кто-то готов ради тебя на такое?

Бетонная площадка перед гаражом, на которой дед паркует уазик, местами раскрошилась, из трещин торчат пучки травы. На самом деле никакой это не гараж – туда даже уазик не помещается. Обычный деревянный сарай, а название – так, для солидности. Папа с дедом построили его не на участке, а рядом, потому что дедов дом крайний и место за забором ничейное.

Пока дед копается под капотом, я вытаскиваю из багажника велик и вожусь с заевшим складным механизмом. Потом дед достает мою спортивную сумку, пакеты с продуктами, и мы идем к дому. Тут-то я и замечаю этот... упадок, что ли.

Забору будто зубы повыбивали – там, где не хватает штакетин, зияют темные узкие щели. Калитка визжит как потерпевшая и закрывается неплотно.

За деревьями-то я не разглядел, но теперь, вблизи, вижу, что изменился и дом: с фасада облезла зеленая краска, облупились белые резные ставни – дед их сам смастерил, когда папа был еще маленьким.

Звездный унесся в будущее, а дедов дом за ним не успел. Застрял в прошлом. И время тут же принялось его уничтожать, пожирать, как жук-короед старое дерево.

В животе противно заняло.

Дед медленно идет к крыльцу, а я, застыв с великом у калитки, смотрю ему в спину. Всегда подтянутый, широкоплечий, энергичный и ужасно занятой профессор физики – вот

каким я его помню. А сейчас... Кто это? Плечи опущены, плетется по скрипучим ступеням. Когда он успел так постареть?

Хочется зажмуриться и исчезнуть, перенестись отсюда куда-нибудь — не важно куда.

Без папы все стало другим, даже Звездный.

Дед уходит в дом. Я ставлю велик у крыльца, достаю из рюкзака насос и набор ключей: регулирую седло, затягиваю руль, подкачиваю шины. Небольшую сумку с инструментами пристегиваю к раме. Цепь бы смазать, вот только масленку я с собой не взял.

В дом идти совсем не хочется, но дед уже раз десять выглянул посмотреть, где я и что делаю. Боится, что ли, что сбегу?

Поднимаюсь на крыльцо. Раньше ступеньки были высокими, а теперь я спокойно через две перешагиваю.

Задерживаю дыхание и распахиваю тяжелую дверь, обитую изнутри войлоком для тепла. Замираю на пороге.

Внутри чистота и порядок: на полу в прихожей ни пылинок, обувь стоит рядком на коврикe слева от двери. У деда всегда так — каждая вещь на своем месте.

Легкие начинает жечь, я вдыхаю и сразу начинаю считать: трижды семь — двадцать один, семью восемь — пятьдесят шесть...

Интересно, куда бы меня сейчас унесла обонятельная машина времени?

А потом я вижу ее. На вешалке в углу, рядом с дедовой ветровкой. Красная кепка с логотипом NASA, которую папе сто лет назад подарил американский астронавт. Папа носил ее здесь не снимая... Засохшие капли зеленой краски на козырьке с тех пор, как мы вместе красили дом крайний раз. Я прокрашивал кисточкой между досок, где валик не захватил, а папа придерживал стремянку. Мы тогда оба знатно извозились в краске, и дед нас за это прозвал зелеными человечками. Неужели кепка так и провисела здесь все три года?

Я отворачиваюсь и сбрасываю кроссовки. На негнущихся ногах иду через прихожую и останавливаюсь в коридоре, возле первой двери справа.

Папина комната. Рядом стоит спортивная сумка с моими вещами.

Дальше по коридору слева – ванная и гостиная. Напротив гостиной – кухня, где дед уже всю гремит кастрюлями. А за кухней – крошечная дедова спальня.

Дверь в папину комнату слегка приоткрыта, но мне и смотреть не надо – я и так помню. Когда-то это была моя самая любимая комната в доме. Прямо у окна стоит большой письменный стол, слева от него – книжный шкаф во всю стену, справа – диван-раскладушка и пузатый коричневый комод. Когда мы собирались здесь всей семьей, для меня посередине комнаты ставили скрипучую, продавленную раскладушку. Обожаю на ней спать – прямо как в гамаке!

К горлу подкатывает комок.

– Заходи, располагайся, – говорит дед.

И когда он успел подкрасться?

Дед толкает дверь, и она бесшумно открывается.

Папина комната, в отличие от остального Звездного, застыла во времени: ничего в ней не изменилось с нашего последнего приезда.

Вот только спать тут на раскладушке мне больше не придется.

– Сейчас постельное принесу, – говорит дед, – и будем обедать.

Нет уж, хватит с меня на сегодня.

– Я себе в гостиной постелю. – Хватаю сумку и иду дальше по коридору.

– Так там диван не раскладывается, – говорит дед мне в спину.

– Сойдет.

Наука – как свеча во тьме

Утром меня будят вовсе не местные петухи – они в такую рань спят себе спокойно на жердочках, в загоне возле ангаров.

– Доброе утро, Мишаня!

Я с трудом открываю глаза: дед в майке и полосатых шортах завис в дверном проеме. Судя по румянцу, который даже бородой не скрыть, он уже закончил зарядку на турнике за домом. Раньше мы втроем по утрам занимались: подтягивания, отжимания, приседания, махи со старой пудовой гирей... Папа еще и бегал каждый день в любую погоду: «Без физкультуры выше стратосферы не улетишь!»

– Дед, ты чего, – натягиваю одеяло на голову, – у меня каникулы!

– Вот я и не стал тебя будить, один занимался, – говорит дед. – Вставай, умывайся. Сейчас позавтракаем да пойдем к семи в лабораторию.

– Куда? – Я убираю одеяло с лица и даже приоткрываю один глаз.

– В лабораторию, – ухмыляется дед. – Вчера еще пропуск на тебя выписал.

Ничего не понимаю. Чтобы дед сам позвал постороннего в лабу? Это же нонсенс, это как... ну не знаю, снег в июле! Хотя в Звездном та еще погодка бывает.

– Чего так рано-то? – бормочу я, не зная, что еще сказать.

– Так дел много, а работать некому, – отвечает дед уже из коридора. – Молодежь к нам сюда привлекают, конечно, но что-то она не шибко привлекается... – Вскоре из ванной доносится шум воды.

Я решительно заворачиваюсь в одеяло. Не пойду никуда! Буду спать до обеда.

Шторы на ночь я не задернул, в окно вовсю лезет приставучее солнце. Под одеялом становится жарко, как в бане. Еще и петухи начинают орать – выпустили пернатых на прогулку. Усни попробуй!

Дед ходит, скрипя половицами. Стучит дверцами шкафа, лязгает вешалками. Пару минут спустя, насвистывая, отправляется на кухню. Вскоре до меня долетает запах яичницы с колбасой и зеленым луком.

Отшвыриваю одеяло, поднимаюсь и плетусь умываться. Похоже, даже выспаться этим летом не получится.

За завтраком я без конца зеваю и как могу тяну время: надеюсь, дед плюнет и уйдет в лабу один. Но не тут-то было. Он, конечно, весь извелся: делает вид, что читает, а сам то и дело поглядывает на часы. В половине восьмого он решительно захлопывает книгу, пристраивает сверху очки для чтения и забирает у меня кружку с остывшим чаем.

– Идем, что ли? – Дед выплескивает остатки чая в раковину, споласкивает кружку и ставит сушиться на полотенце рядом с уже вымытыми тарелками.

Вообще-то бывать в научных корпусах посторонним не разрешается: секретные проекты и все такое. Наверное, поэтому меня в детстве так и тянуло туда. И папе иногда удавалось уговорить деда устроить нам экскурсию. Дед выписывал на нас пропуска, хотя показывать их было некому: с таким работником, как дед, никакая охрана не нужна – мимо него мышь не проскочит. А потом мы вдвоем бродили по корпусу: папа улыбался одними глазами, дед сосредоточенно хмурился, а я смотрел кругом открыв рот.

Дедов кабинет похож на смесь библиотеки и учительской в школе – куча книг и огромный стол у окна, ничего интересного. Настоящая магия была в лаборатории. «Запах неизведанного», – говорил папа, когда мы заходили в «святая святых» профессора Колосова. Именно так там и пахло – тайнами и предчувствием необыкновенного. Странно, но я не запомнил деталей, а только как захватывало дух от таинственных помещений с высокими потолками и длинными столами, заставленными причудливыми приборами.

Я трясую головой, прогоняя воспоминания.

– А как же государственная тайна?

Дед молча подходит к окну, упирается ладонями в подоконник, стоит так какое-то время, а потом поворачивается ко мне.

– Таких проектов у меня теперь уж нет. – Он выпрямляется, разводит руками и невесело усмехается: – Снят гриф секретности.

Вон оно что. Теперь, значит, можно всех подряд в священный корпус водить.

— Иди один. — Я поднимаюсь из-за стола. — Меня твоя физика больше не интересует. И наука вообще.

Дедовы кустистые брови ползут вверх, глаза округляются. Он что-то удивленно кудаччет в ответ, но я не слушаю: ухожу в гостиную, хлопаю дверь и заваливаюсь на диван.

Несколько минут в доме ни звука, но вот в коридоре снова стонут половицы. Возле комнаты шаги стихают на мгновение, а потом мягко ухаает, закрываясь, входная дверь. Еще чуть погодя взвизгивает калитка, и я остаюсь один.

Раньше я просто бредил наукой, космосом, физикой, тайнами Вселенной — вот этим всем. Прямо как папа. «Наука — как свеча во тьме» — это его любимая цитата из книги астрофизика Карла Сагана. Папа верит, что делает нечто очень важное, глобальное — для всего человечества. Для будущего.

Но науке, космосу и всему человечеству на папу плевать. Когда его корабль пропал, никто и пальцем не пошевелил, чтобы спасти экипаж. Посустились для виду и объявили миссию погибшей.

Для папы наука — всё, а папа для нее — так, пыль по космическим меркам. Поэтому я ее ненавижу. И космос — тоже.

Внутри все клокочет, кажется, еще немного — и взорвусь. Или вытошню эту чертову яичницу, вставшую в животе колом.

Хватаю телефон, открываю первую попавшуюся игру —

гонки. Вайфая в доме нет, но мама подключила мне скоростной мобильный интернет на все лето – компенсация за страдания в ссылке. Не успеваю даже тачку выбрать, как начинает звонить телефон. Мама. Ясно: дед пожаловался.

– Как ты доехал? Как дедушка? – Из трубки вырывается мамин голос вперемешку с каким-то шумом. Нет, не похоже, чтобы дед ей звонил, иначе она бы сразу мне все высказала – мама не любительница долгих вступлений.

– Нормально, написал же вчера. – Включаю громкую связь. – Ты где?

– В Сингапуре. – Слышно, что она улыбается. – Тебе бы здесь понравилось.

– Еще бы.

Из динамиков несется грохот, гудки машин, голоса прохожих.

– Миш, мы обязательно слетаем вместе, обещаю. – Улыбка из маминого голоса исчезла.

– Да хватит меня успокаивать как младенца!

– Ты и есть младенец, – смеется мама. – Мой любимый младенец!

Папа говорит, что смех у мамы заразительный, и это правда. Когда она смеется, внутри становится щекотно и не улыбаться не получается.

Маму кто-то зовет, она отвечает – по-китайски, что ли, – и торопится:

– Ой, Мишкин, мне пора. Дедушке привет! Пиши почаще,

хорошо?

– Ладно, – говорю я и нажимаю отбой.

Слова-пули

Дед застрял дома.

На дворе будни, а он точно забыл про свою лабу: то грядки полет, то ветки у яблонь обрезает. Косит, пироги печет, полы намывает... И ладно бы сам по себе возился – он и меня припряг! Миша то, Миша сё! И носись целыми днями по его поручениям.

Я написал маме. Думал, это она деда подговорила меня пасти. Но мама удивилась даже больше моего: «Как не в лабе? А он хорошо себя чувствует?» Так разволновалась, еле успокоил.

А сегодня дед вообще взбесился. За завтраком я через окно наблюдал за ним. Сначала он притащил из гаража банки с краской и ящик с инструментами, расставил всё перед домом. Потом приволок стремянку и пластиковое ведро с валиками и кисточками. Я надеялся, он это все для меня приготовил – занимайся, мол, делом, – а сам наконец-то в лабу отчалит. Поэтому и не торопился. Поиграл в телефон, послушал музыку, посмотрел мамины командировочные фотки: здания с заваленными горизонтами, смазанные пейзажи и всего одно селфи, с которого она подмигивает и улыбается одним уголком рта.

– Мишаня, помогай! – кричит дед с улицы.

Предчувствуя неладное, выбегаю из дома и застаю та-

кую картину: дед, взгромоздившись на стремянку, пытается снять с петель облупившийся ставень. Закусив губу, дергает упрямую створку, а лестница под ним угрожающе скрипит и шатается.

Я подсказываю и хватаюсь за стремянку, чтобы дед не вернулся.

– Красить пора. – Увидев меня, дед кивает на облезлые стены дома. – Ставни бы снять, чтоб не мешали.

Я вздыхаю так громко, как только могу. Хорошо бы вот прямо сейчас вскочить на велик и уехать домой. За сколько, интересно, я до Холмов доберусь?

– Слезай, – цежу сквозь зубы. – Сам сниму.

Сдался ему этот ремонт! Жил же как-то с облупившейся краской, и ничего.

Смахнув пот со лба, дед потихоньку спускается и уступает лестницу мне. Принимаемся за дело в полном молчании: дед подталкивает створку снизу, а я тяну вверх. Снятые ставни складировем у стены под окнами.

Дед кряхтит и скрипит почище несмазанных петель, а после второго окна объявляет перерыв: усаживается на крыльце и требует принести квасу из кухни. А я не устал, вообще нисколько.

Пока дед отдыхает, я перетаскиваю снятые ставни к забору – их нужно зашкурить перед покраской и заменить проржавевшие крепежи.

– А ты чего не в лабе? – спрашиваю я, пристраивая по-

следний ставень к забору.

Дед отвечает не сразу. Можно подумать, я не вопрос задал, а теорему какую доказать попросил.

– Да вот, решил хозяйством заняться и с внуком побыть. – Он разворачивает кусок полиэтиленовой пленки и принимается укрывать им ставни, даже не глядя в мою сторону.

Тут меня и прорывает.

– Три года тебе никакой внук не нужен был, а сейчас что, совесть заела? – Слова вылетают, как пули. Я, кажется, даже вижу, как они врезаются в дедову спину, дырявят его клетчатую рубашку. Не по-настоящему, конечно, но мне все равно становится страшно.

Дед замирает с пленкой в руках. Медленно поворачивается. Смотрит на меня выцветшими глазами, кивает несколько раз.

– И оправдываться нечего. – Он трет ладонью бородатую щеку. – Правильно ты говоришь, Миша.

Даже не отрицает! Оправдываться, говорит, нечего! Мне хочется исчезнуть, уйти отсюда, но ноги будто приросли к месту и не дают оторваться от земли. В груди плещется что-то нестерпимо жгучее, готовое вот-вот вырваться наружу и затопить все вокруг: деда, Звездный. Меня.

– Когда про Алексея узнал, – снова подает голос дед, – думал, если приеду туда, к вам... придется поверить. Придется признать, что его и правда больше нет. И не смог. Смалодушничал.

Теперь уже дедовы слова-пули больно врезаются в меня. Лава поднимается изнутри, обжигает горло и глаза.

— Я тоже не хотел, — до боли сжимаю кулаки, — не хотел верить, не хотел на ту церемонию проклятую, не хотел никакого прощания! Но я там был!

Перед глазами встает траурный стенд с портретами членов экипажа «Звездного ветра». С фотографий в толстых черных рамках улыбаются знакомые лица. Папа в самом центре. Капитан Алексей Колосов.

Зачем эта черная рамка? Почему никто не подойдет и не уберет отсюда папину фотографию? Он не умер, а пропал! Его нужно искать! Он вернется!

Дедово лицо превращается в размытое пятно. Я не сразу понимаю, что это слезы мешают смотреть. Еле переставляя ноги, подхожу к крыльцу, хватаю велик за руль и качу к калитке. Дед что-то говорит, но я не слушаю. В голове стучит одна только мысль: свалить отсюда поскорее.

Чайка

На самых задворках Звездного, между двумя длинными ангарами, начинается тропинка. Дух захватывает, как на американских горках, когда ныряешь в этот темный узкий проход, а вынырываешь как будто на другой планете. Ветер колышет высоченную траву, и поле похоже на бушующий океан, а вулкан и лес – на далекий берег неизведанного континента.

Закрываю глаза, вдыхаю горький запах трав... И вот мне снова десять, и я несусь через этот зеленый океан покорять новые земли. Ветер сдувает волосы со лба, завывает в ушах, надувает футболку на спине, как парус...

«Богатырь – мой старый друг...» – напевает папа, каждый раз на новый лад. И сейчас, сквозь шум ветра, я снова слышу эту его песенку без начала и конца... Кажется, если открою глаза, то увижу папу, шагающего к подножию.

Богатырь – это не просто гора.

Я совсем мелкий был, когда мы с папой в первый раз пошли вдвоем к вершине. Я быстро устал, начал канючить, проситься обратно.

– Как думаешь, Миш, кто в Звездном самый главный? – спросил папа, чтобы меня отвлечь.

– Дед, конечно, – ответил я, а папа как засмеется!

– Ну, дед – персона важная, тут не поспоришь. – Папа по-

трепал меня по плечу. – Но все-таки не он тут самый главный.

– А кто же, Степан Андреич? – предположил я. – А нет, знаю: президент! Президент вообще везде главный!

– Это ты здорово сообразил, друг, – похвалил папа. – И все-таки...

Так мы и дошли до вершины: папа меня отвлекал от нутя, а я радостно нес всякую околесицу. И уже на самом верху, когда увидел долину, лес, Звездный и, как мне тогда показалось, всю планету, я вдруг... даже не понял, а как будто вспомнил. Вспомнил то, что всегда знал, но почему-то забыл.

– Богатырь, пап! Он тут самый главный! – завопил я, стараясь перекричать завывающий в ушах ветер.

Папа ничего не ответил, а просто прижал меня к себе крепко-крепко, и я догадался: теперь правильно.

Велик подскакивает, руль вырывается из рук, и я резко торможу, чудом не перелетев через колесо. На кочку наехал, похоже.

Солнце стоит над вулканом, слепит глаза. Щеки стянуло соленой корочкой.

Богатырь – гора невысокая, с широким основанием, пологими склонами и как будто отломанной вершиной. «Коренастый», – сказала как-то про него мама. Да, такой и есть.

Ни разу не поднимался на вершину один. Попробовать? Недалеко от подножия замечаю в траве белые шарики.

Цветы? Никогда здесь таких не видел. Подъезжаю ближе и понимаю, что ошибся: никакие это не цветы – в траве застряли комочки бумаги.

Слезаю с велика, поднимаю один и разворачиваю: бумажка исписана какими-то каракулями. Смотрю по сторонам и наконец замечаю: всклокоченные волосы, сгорбленные плечи. В высокой траве сидит парень и сосредоточенно что-то пишет, низко склонив косматую голову над тетрадкой или блокнотом. Постарше меня, кажется... Ему что, никто не сказал, что тут заповедная зона?

– Эй! – зову я.

Ноль внимания.

Подбираюсь поближе. Может, он в наушниках, не слышит? И тут парень выдирает очередной лист, комкает его и швыряет не глядя в мою сторону. Ну это вообще ни в какие ворота.

Подхожу и встаю прямо перед ним:

– Слушай, ты бы не разбрасывал тут свои бумажки...

Я, конечно, не прирожденный дипломат, но ссориться не собирался, просто хотел объяснить, что мусорить здесь нельзя. И даже договорить не успел.

Парень вскакивает – он выше меня и гораздо шире в плечах, – выхватывает из моих рук листок, рвет его на мелкие кусочки и раскидывает вокруг.

– Ты совсем больной?! Прекращай, говорю! – ору я и хватаю громилу за запястья.

Держу не крепко, но лохматый тут же начинает дергаться, как будто его током бьет, и орать – прямо как чайка! Нет, серьезно, очень похожий звук: высокий, прерывистый и резкий, аж уши режет. Такой здоровый, а визжит, хотя спокойно может освободиться! Я ничего не понимаю и на всякий пожарный отпускаю его. Парень тут же разворачивается и несется через поле к складам, нелепо размахивая руками и продолжая вопить. Огромная лохматая чайка.

Когда он оказывается у ангаров, на тропинке появляется девчонка. Не обратив на нее внимания, верзила ныряет в проход. Девчонка кричит что-то ему в спину, а затем поворачивается в мою сторону. Так мы и стоим какое-то время, глядя друг на друга через поле, а потом она, сердито махнув высоким хвостом, уходит.

Хорошенько разглядеть ее не получилось – слишком далеко, но по скрещенным на груди рукам и по тому, как она чеканила шаг, когда уходила, понятно, что приговор мне вынесен неутешительный. А я вообще-то ничего плохого не сделал! И пусть сами теперь по всей долине свои бумажки собирают.

Раньше в Звездном, кроме нас с папой, гостей почти не бывало, а теперь – пожалуйста: пускают кого попало. Таким макаром скоро и от вулкана ничего не останется.

Ехать на вершину больше не хочется. А дома – дед. Ну и куда мне отсюда деться? Тут ведь как в тюрьме! Как же домой хочется...

Домой

Через КПП проезжаю без проблем: машу рукой зеркальному окошку в будке охраны, и ворота разъезжаются. Так просто, даже странно. На удачу ведь попробовал.

А потом просто еду вперед, дорога-то одна. Пару раз оглядываюсь на ходу, но никто остановить меня не пытается, ворота уже закрылись. Только Богатырь с потеряннным видом выглядывает из-за сверкающего на солнце Купола.

За два часа без остановки отмахиваю порядочно. Ну и глухомань же тут – ни людей, ни машин. Из разнообразия только смена пейзажа: лес, поле, лес, поле...

Еще немного, и до Холмов доберусь. А оттуда – домой! Вот только вещи все в Звездном остались и денег на билеты нет... Зато телефон с собой, куплю онлайн! Денег на карте хватит и на поезд и на еду. Ключи от квартиры у соседки, тети Ани, – она приходит цветы поливать, пока нас нет.

Здорово складывается! Даже в горочку ехать легче стало!

Мама, конечно, расстроится. Но что она сделает? Не прилетит же из Сингапура мозги мне вправлять. Успокою ее как-нибудь.

Представляю, как захожу домой, а там все точно, как было в день отъезда. Уезжали второпях: мамин самолет и мой поезд – в один день. В коридоре у зеркала осталась стопка неразобранной почты, под банкеткой – скейт с грязными ко-

лесами. На диване в гостиной – наспех выложенные из маминного чемодана вещи: она перед самым выходом испугалась, что будет перевес. Кухонный стол заставлен цветами: мы их туда из комнат перенесли, чтобы тете Ане было проще поливать – все разом. В моей комнате «легкий бардачок», по-маминому – это когда «вещи не свисают отовсюду, как лианы в джунглях, и даже пол местами видно» (а по мне, главное – знать, где что лежит).

Дома будет лучше. Подумаешь, один! Не маленький, смогу о себе позаботиться: и в магазин схожу, и приберусь, и приготовлю чего-нибудь. Мы с папой в походе даже суп варили на костре! А дед пусть и дальше тут сидит.

«Не скучай. Прилечу – рванем в Звездный на все лето!» – звучит в голове папин голос. Я жму на педали. Ветер сильнее завывает в ушах, но голос не умолкает: «Маму с дедом береги. Уговор, дружище?»

Я пообещал. А ты поклялся, что время пролетит с третьей космической – я и не замечу, как ты вернешься.

Мысли наскакивают друг на друга. Как их прогнать? Чтобы совсем их не было, чтобы стало тихо!

Дорога снова идет в гору. Я наваливаюсь на руль, кручу педали изо всех сил. Горло дерет, легкие в огне, голова сейчас взорвется. Ну и пусть! Пусть я взорвусь!

Кручу, кручу, кручу, пока ноги не перестают двигаться. Разом – щелк! – и отключаются, будто батарейки сели. Икры скручивает, точно их выжимают, как мокрое полотенце.

Дорога летит на меня, мелкие острые камешки блестят на солнце.

* * *

По обе стороны от большака разлеглись поля. Ветер гоняет волны по высоченной траве, создавая белый шум. Небо густо-оранжевое – закаты здесь нереальные, как на фотках из инета. Запах нагретой земли лезет в нос.

Я сижу на обочине, велик валяется рядом. Ноги и руки дрожат, разодранное плечо щиплет.

Далеко впереди ухабистый большак упирается в горизонт; за ним – Холмы... А в другой стороне дорога поворачивает, огибая лес, – Звездного отсюда не увидеть. Даже верхушка Богатыря затонула в облаках.

Я один.

Все мы – мама, я, дед, даже папа, – как звезды в Галактике. С Земли кажется, что они рядом друг с другом, а на самом деле между ними миллионы, миллиарды километров. А до некоторых вообще не добраться, никак.

Я ненавидел, когда он улетал. Мама волновалась, начинала скучать заранее. И одновременно радовалась, потому что радовался он, наш космический фанат.

Космос для него был важнее всего. Важнее меня. Иногда казалось, что он улетал еще до старта. И не боялся не вернуться. Боялись только мы.

«Смалодушничал», – сказал про себя дед. Я в курсе, что это слово значит, наша классная его вставляет, куда только можно. Малодушие – это типа слабость характера. Трусость.

Получается, я такой же, как дед? Но разве трусость – хотеть, чтобы все было как раньше, чтобы хоть на секундочку перестало болеть?

А мама? Ей разве не хочется?

Вот она сжимает мою руку на церемонии прощания, а я представляю, как сбрасываю на пол фотографии в толстых черных рамках. И топчу, топчу, топчу их!

Она вытаскивает меня из шкафа, заставляет считать: шестью семь, девятью восемь, четырежды шесть... А я ору и колочу ее куда попало.

Мама складывает папины вещи в чемодан, пока я вою на полу. Засыпает, сидя возле моей кровати. А я думаю, что лучше бы она улетела вместо него.

Она названивает деду, уговаривает приехать к нам. Потом умоляет меня съездить в Звездный, приносит билеты. Я рву их на мелкие кусочки.

Она таскает меня к психологу, уговаривает вернуться на спорториентирование...

«Миш, поговори со мной!» Я молча захлопываю дверь перед ее лицом. Снова и снова.

Мы провалили свои миссии, пап. Оба облажались.

Внутри бродит мерзкая муть, но думать я больше не могу. Мысли свело, как недавно мышцы. Поднимаюсь, разминаю

ноги-деревяшки. Колени до конца не разгибаются – дальше придется пешком.

Богатырь вынырнул из облаков, смотрит.

Скройся, и так паршиво!

Не успеваю и ста метров пройти, как слышу рев и скрежет. Из-за поворота мне навстречу вылетает стимпанковский дракон в оранжевых лучах закатного солнца. Только вместо огня и дыма он извергает пыль.

Дракон тормозит у обочины.

Дверь распахивается, из уазика выскакивает дед: рубашка выбилась из брюк, борода торчит в разные стороны. Смотрит, будто кого-то другого ожидал увидеть, а тут я.

– Миша, – зовет дед.

Видеть его таким невыносимо, и я вру:

– Я катался просто.

– Так и я... – Дед кашляет в кулак. От пыли, наверное. А потом говорит: – Покатали домой, что ли?

Капсула времени

Деда удалось-таки сплавить в лабу. Пришлось, конечно, пообещать, что без его ведома в Холмы я больше не рвану и сам чего-нибудь по дому поделаю. Как же он обрадовался! Засуетился, засобирался. В последний момент, правда, чуть заднюю не включил.

Я сижу на крыльце, делаю вид, что книжку читаю, а сам жду, когда дед уйдет. Уже раза три он на полдороге назад поворачивал: то чистый халат забыл прихватить, то лопата у забора не так стоит, то грядки проверить срочно надо.

– Может, начнем красить, а? – Толкнув калитку, дед снова останавливается. – В лабораторию завтра схожу, успеется.

– Нет уж, сначала надо с этим кошмаром разобраться. – Тычу пальцем в калитку. – От такого визга и Богатырь проснуться может.

Дед дергает дверцу туда-сюда, как будто только заметил невыносимый скрежет, и качает головой.

– Твоя правда, Мишаня.

– Еще мне почитать надо. Показать, сколько нам на лето задали? – Трясу телефоном над головой. Аргумент для деда железный, он понимающе поднимает брови и кивает. Дед ведь старой закалки, из этих, которые: «Учиться, учиться и еще раз учиться!»

– И то правда, занимайся. – Дед бочком протискивается в

калитку, хотя визга от этого ничуть не меньше. – Вечерком, может, дров поколем...

Дома я заваливаюсь на диван с телефоном. Раз дед в лабу ушел – это надолго, до вечера десять раз успею хозяйством заняться.

Время за играми пролетает незаметно, а инет-то хоть и скоростной, но не безлимитный – надо экономить. Так что к обеду приходится изобретать новое занятие, и я вспоминаю про велик. Масленка у деда наверняка найдется.

* * *

Замка на гараже отродясь не было, тут и дома-то мало кто запирает. Берусь за ручку и дергаю Бородину. Она чуть приоткрывается, но дальше не идет, застряла. Рассохлась, что ли?

Полоса света с улицы падает на пол – доски в темных пятнах машинного масла и брызгах краски. В солнечном луче кружатся золотистые пылинки.

Всё тут, кажется, как всегда. Слева у стены – садовый инвентарь: грабли, лопаты, ведра всякие. С другой стороны, на полках самодельного стеллажа во всю стену, расставлены банки с краской, бутылки с растворителем, пара канистр с бензином, коробки с гвоздями, разные запчасти для машины. Целый склад, короче.

Я протискиваюсь внутрь. Прохладно, пахнет смесью бен-

зина, смолы, пыли и ржавчины. В животе ухает. Так бывает, когда несешься с горки на велике, а в самом низу подскакиваешь на неровности и отрываешься от земли. Секунду пространство вокруг рябит, как картинка в старом телике, и я вдруг отчетливо вижу папу в тени у дальней стены гаража. Он стоит боком ко входу и разглядывает что-то на одной из полок. На нем красная кепка NASA козырьком назад. И я готов поклясться, что это никакие не воспоминания – это происходит сейчас.

Я шумно втягиваю воздух. Папа поворачивается ко мне, подмигивает и кивает на стеллаж. Темно, я не вижу, на что он показывает.

Это все не по правде, конечно. Папы здесь нет. И кепка висит дома на вешалке, я только что мимо нее проходил. Я знаю. Знаю и все равно иду к нему и зову:

– Пап?

Но он уже исчез.

Меня начинает трясти, аж зубы стучат. Я разворачиваюсь, чтобы уйти поскорее, и натыкаюсь на деревянный ящик с инструментами. Масленка с длинным металлическим носиком лежит сверху.

* * *

Бывает, когда болеешь, ломит все тело, даже кости. Вот и у меня сейчас так же ломит где-то внутри.

Мама как-то сказала, что люди по-разному переживают душевную боль. Кто-то плачет, кто-то замыкается в себе, кто-то уходит с головой в работу.

– А как правильно? – допытывался я.

– Не знаю, Миш, наверное, «правильно» для каждого свое. Главное – не забывать о тех, кто рядом. И не забывать жить. Со временем всегда становится легче.

Сказочки все это. Ну про время, что оно лечит. Чушь. Сколько должно пройти времени, чтобы забыть самого близкого человека на свете? Десять лет, двадцать, сто?

За спиной раздается скрип, и я аж подскакиваю на месте. Калитка, как будто только и ждала моего внимания, открывается с протяжным скрежетом. И тут я обнаруживаю, что сижу перед великом, перевернутым вверх колесами. Цепь смазана, блестит. Пальцы черные от масла. А я и не заметил, как все это проделал.

В уши снова втыкаются иголки – как же истошно скрипит эта дурацкая дверь! Болтаю масленкой возле уха: должно хватить.

Рискуя оглохнуть, смазываю петли. Чищу пружину от ржавчины, подбиваю вылезшие из штакетин гвозди и меняю раскрошившуюся резинку уплотнителя – приходится вырезать кусочек из старого садового шланга.

Результатом я доволен, а главное – внутри уже не так паршиво. Чего бы еще поделать?

Слева от дома сплошные посадки. Яблони, сливы, гряд-

ки со всякой зеленью, в металлических бочках, заполненных грунтом, укрытые пластиковыми канистрами, растут огурцы. Видно, что за садом дед ухаживает: трава скошена, стволы деревьев в белых носочках – побелены известью от вредителей. Сорняков, правда, куча, но в грядках возиться – вот уж нет.

Из-за макушек деревьев выглядывает Богатырь. Подцепил вершиной небольшое облако и держит, уговаривает: давай поболтаем, а то скучно. Я отворачиваюсь, запинаясь обо что-то и лечу на землю. От неожиданности не успеваю даже сгруппироваться: вместо того чтобы на бок упасть, по-глупому выставляю вперед ладони. В запястьях хрустит. Хорошо тут земля, она мягкая, а на асфальте вот так шмякнись – можно и руку сломать.

Сажусь и с досады пинаю ящик с инструментами. Виновник моего позора даже не двигается с места, только звякают гвозди в металлической коробочке от леденцов. И меня словно дергает током: железная коробка! Из-под печенья! Напрочь забыв о саднящих ладонях, подрываюсь и хватаю лопату, воткнутую в землю возле забора.

* * *

Мне было лет восемь или девять, когда я по телику увидел передачу про капсулы времени. Это такие послания в будущее: в металлическую емкость запаивают письма, рисунки,

музыкальные записи, всякие памятные предметы и замуровывают где-нибудь, чтобы вскрыть лет через пятьдесят или даже через сто! А на исследовательских космических кораблях типа «Вояджеров» крепят пластины с информацией о человечестве и нашей планете – для внеземных цивилизаций. Или, может, для землян из очень далекого будущего.

Я тогда прямо помешался на этих капсулах.

Как-то раз папа принес домой печенье в красивой железной коробке в форме яйца, разрисованного под космический корабль. Темно-синий корпус, золотой нос, иллюминаторы, шлюзы, солнечные батареи и всякое такое – куча деталей, короче. Ему на работе подарили. Печенье мы съели, а из коробки решили сделать собственную капсулу времени. Написали письма в будущее, но друг другу не показали – чтобы потом интереснее было. Не помню, что я там понаписал, а нарисовал исследовательскую станцию на Марсе. Еще каждый от себя добавил по небольшому предмету (тоже тайно). Даже мама поучаствовать захотела.

Закапывать было решено тут, в Звездном, а вскрыть договорились через десять лет. И как я мог забыть?

Где же мы заложили эту капсулу?

Память подкидывает столько вариантов, и все вроде подходят. Начинаю копать слева от крыльца – ничего. С обеих сторон от дровника тоже пусто. Но я копаю, копаю и копаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.